

УДК 94(560)

**ВИЗУАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ КОММЕМОРАЦИИ В ПОЗДНЕЙ ОСМАНСКОЙ
ИМПЕРИИ И КОНСТРУИРОВАНИЕ КОНТРПАМЯТИ
(НА ПРИМЕРЕ МЕМОРИАЛА В САН-СТЕФАНО)**

© 2021 Ю.А. Жердева

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

Статья поступила в редакцию 30.09.2021

В статье рассматриваются механизмы конструирования памяти о российских военных победах на территории Османской империи, которые были сформированы при возведении храма-памятника в Сан-Стефано. Сопоставляются несколько конкурирующих памятей о мемориале в Сан-Стефано: официальный российский имперский нарратив о военной победе над Османской империей в 1878 г., османская память о катастрофическом военном и дипломатическом поражении, память турецкого общества об инциденте разрушения памятника, современные мемориальные дискурсы. Прослежены изменения политики памяти в позднеосманском и турецком обществе.

Ключевые слова: храм-памятник в Сан-Стефано, Османская империя, memory studies, Первая мировая война, политика памяти.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-4-81-89

Введение. Последние десятилетия XX в. и начало XXI в. в исторической науке стали временем значительных трансформаций как предмета, так и методов исследования – трансформаций столь масштабных, что они практически сразу получили влиятельное именование «поворотов», обозначив тем самым еще более широкий контекст монументальных сдвигов во всех гуманитарных и социальных исследованиях. Один из самых заметных поворотов в исторической науке – «мемориальный поворот», смысл которого заключается в том, что фокус внимания историка переносится с объекта (явления или процесса) прошлого, на то как выстраивается память о нем в сознании общества (ее содержание, способы трансляции, а также функции памяти в обществе)².

Исследовательское поле *memory studies* (изучение памяти), появившееся в ходе

«мемориального поворота», представляет собой весьма дифференцированное пространство, в котором сложные теоретические проблемы понимания механизмов памяти и самой возможности существования коллективных форм памяти соседствуют с казусными сюжетами, исследующими локальные мемориальные практики на конкретно-историческом материале. Данная статья является одним из таких казусных примеров. Предметом ее выступает мемориальный комплекс в Сан-Стефано, построенный в 1898 г. российским правительством в память о знаменитом Сан-Стефанском мирном договоре 1878 г. – комплекс, который создавался как «вечное» поминовение (коммеморация) усопших российских воинов, но он не пережил ни Первую мировую войну 1914-1918 гг., ни Османскую империю. Целью исследования является реконструкция нескольких конкурирующих памятей о мемориале в Сан-Стефано: официального российского имперского нарратива о военной победе над Османской

*Жердева Юлия Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и документоведения.
E-mail: zherdeva.yua@ssau.ru*

империей в 1878 г., османской памяти о катастрофическом военном и дипломатическом поражении, памяти турецкого общества об инциденте разрушения памятника, современных мемориальных дискурсов. Для понимания этих конкурирующих мемориальных нарративов мы воспользовались понятием «контрпамять» (М. Хирш), под которым в данном тексте мы будем понимать память, альтернативную тому нарративу, который создавался русским мемориалом в Сан-Стефано при его возведении, но существующую в рамках «коллективного воображаемого» османского, а затем турецкого общества и современного российского.

Методика исследования. Известный итальянский исследователь истории и культуры Карло Гинзбург предостерегает историка от опасности «принять реальность за нечто самоочевидное» и призывает изображать историю «в обратном порядке»³. Следуя за Гинзбургом, мы попытаемся начать исследование визуальных стратегий коммеморации войны в поздней Османской империи, заняв предельно дистанцированную позицию по отношению к изучаемому предмету, из перспективы настоящего. Такую теоретическую рамку исследованию задают *memory studies*, изучающие разные формы взаимодействия памяти с настоящим⁴. Наше исследование будет строиться вокруг мест захоронения русских воинов, погибших в русско-турецких войнах на территории Османской империи, при этом мы постараемся выстроить несколько хронологических пластов: конструирование мемориального нарратива при возведении памятника, трансформация памяти о мемориале от османского к турецкому обществу, память о мемориале в современном российском и турецком обществах.

Результаты исследования. Начать исследование визуального конструирования памяти нам хотелось бы с размышлений об архитектурном воображении: общества, его воздвигшего (поздней Российской империи), общества, его принявшего (поздней Османской империи) и современного

общества (историков, которые сегодня эти памятники изучают). Выразительным проявлением архитектурного воображения является цитата из поэтического текста С.В. Капустина, российского историка, писателя, насельника Саввино-Сторожевского ставропигиального мужского монастыря – стихотворения, которым открывался его доклад «История русского мемориала Сан-Стефано в Стамбуле» на VIII Кадашевских чтениях в декабре 2010 г.:

*В Стамбуле ждет печаль меня,
Но не горит над ней свеча⁵.*

Российский историк в этих строках выражает сожаление о том, что памятник в Сан-Стефано (сегодня уже часть Стамбула) – мемориал на месте захоронения нескольких тысяч российских солдат и офицеров, погибших в русско-турецких войнах, – больше не существует. «Свеча» в этом тексте – очень сильная визуальная метафора. Мемориал в Сан-Стефано действительно напоминал свечу. Высоким стройным силуэтом 30-метровой колокольни⁶ он возвышался на вершине холма в местечке Сан-Стефано, недалеко от места, где 19 февраля (3 марта) 1878 г. был подписан прелиминарный мирный договор между Российской империей и Блистательной Портой. По оценкам в российской историографии этот договор был исключительно успешной победой российской дипломатии и являлся своего рода «дипломатическим credo России», точнее ее «официальной политической программой решения Восточного вопроса»⁷.

Конечно, для С.В.Капустина эта метафора – не только поэтическое воображение, но и религиозное: поминовение погибших, принятое в христианской традиции. Однако воображение историка простирается дальше, и храм-памятник в Сан-Стефано в его детальном описании визуализируется в ожившие картины русской истории, аллюзии «славных военных побед». Позволю себе пространную цитату из его статьи, текста не менее поэтического:

«Кажется, что в крутом подъеме анфилад лестниц проступают неприступные

стены Измаила, и вот-вот славные русские воины-соколы, сверкая штыками, по взмаху руки Суворова, ринутся на штурм неприступной крепости. В боковых, закругленных углах памятника еле заметно проступают рубленные, плетеные флешы – это редуты защитников Севастополя, и на седых каменных стенах проявляется профиль Нахимова с его неизменной подзорной трубой в руке. В высоко поднятом кресте видится гордый символ победы князя Румянцева над 80-тысячной турецкой армией под Кагулом. Знойный ветер доносит ощущение жаркого лета, Прутского похода Петра I, а в голубых переливах зеленого мрамора колокольни чудится отражение морских волн при знаменитом Керченском сражении Ушакова»⁸.

Историческое воображение в этом описании соединяется с национальным, и современный историк транслирует тот нарратив, который создавался российскими политическими элитами в 1878 г.: установить «Памятник Славы» на месте подписания Сан-Стефанского договора. Возведение памятника стало одним из значимых требований российской дипломатии при переговорах в Сан-Стефано и было подтверждено даже в дополнительных статьях к договору⁹. Однако в восприятии османских властей это был не «памятник славы», а «памятник позору», который, по словам одного из подписывавших договор Саадуллах-паши, османского посла в Берлине, «каждый день кричал бы османам в лицо об их позорном поражении»¹⁰. Каким же образом «памятник Славы» обратился в «свечу»?

Попробуем понять социальный и политический контекст возведения памятника, его восприятие в Османской империи. Прежде всего, интересно само именование этого сооружения. В русскоязычных документах он назывался «храм-памятник», подчеркивалось одновременно военное и религиозное его значение, в то время как во французских и английских текстах – это «памятник» (*Monument*), а в турецких – «церковь» (*Kilise*). По мнению Габриэля Дойла, франко-австралийского историка,

изучающего городские ландшафты поздней Османской империи, такой религиозный смысл в глазах османов должен был облегчить выдачу России разрешения на строительство монумента, поскольку военная его сторона напоминала бы о страшном поражении¹¹. Действительно, в феврале 1878 г. российские войска, расположившиеся в Сан-Стефано, находились лишь в нескольких километрах от Стамбула, и генерал М.Д. Скобелев вечерами, переодевшись в гражданское, даже выходил прогуляться по центру Стамбула, готовясь к возможному штурму¹². Нам, однако, представляется, что такое именование имело скорее культурный, чем политический смысл. Во-первых, жители Стамбула сами подчеркивали визуальное сходство памятника с русскими церквами¹³, а во-вторых, Сан-Стефанский мирный договор с Россией воспринимался османскими общественными и политическими кругами как национальное оскорбление, и вряд ли именование «церковью» памятника, напоминавшего об этом мире, могло смягчить такую травму.

Заметим, что между подписанием Сан-Стефанского договора в 1878 г. и открытием памятника в 1898 г. прошло 20 лет, в течение которых велись долгие переговоры о месте возведения монумента, оформлялась покупка земли под него и разрабатывался архитектурный проект. За это время российский дискурс сместился от «памятника Славы» к «мемориалу-усыпальнице», из-за чего и облик мемориала принял вид храма, причем в нарочито «русском стиле». Политически, конечно, это был грамотный шаг: теперь памятник символизировал не столько «славу русского оружия» и, соответственно, поражение османов, сколько заботу об умерших, акт поминовения. Для того, чтобы придать этому месту значение настоящей усыпальницы, останки нескольких тысяч «павших во время войны офицеров и нижних чинов» были перевезены в Сан-Стефано из различных мест османской Фракии и южной Болгарии¹⁴. Видимо, общее число погребенных здесь было не менее 10

тыс. человек¹⁵. Усыпальница была расположена в виде креста, пол устлан гранитом¹⁶. Для российской прессы этот мемориал стал «памятником на костях русских воинов»¹⁷.

Турецкий историк Дилек Кайя Мутлу подчеркивает национальный дискурс в восприятии памятника османами. Она отмечает, что, хотя Сан-Стефанский договор и спас Стамбул от российской оккупации физически, однако для националистически настроенных политиков, журналистов, писателей и общественных деятелей возведение в Сан-Стефано монумента все равно означало символическую оккупацию. Ссылаясь на восприятие идеи возведения монумента упомянутым выше Саадуллах-пашой, такой памятник – «глаза врага, смотрящие на прекрасный Стамбул»¹⁸. И действительно, 20 лет спустя открытие этого памятника было воспринято османами почти как падение Стамбула, настолько глубоким было чувство поражения, символизируемое памятником. При этом Кайя Мутлу обращает внимание на то, что по личным воспоминаниям различных представителей османского общества видна их озлобленность не только на русских, но и на османские власти, допустившие возведение такого унижительного символа национального поражения. По сути, этот памятник для османов стал средством конструирования национальной идентичности, а его снос – лишь делом времени. Еще Саадуллах-паша, поняв на Берлинском конгрессе в 1878 г., что даже через британского премьер-министра Б. Дизраэли не сможет добиться устранения из договора статьи о возведении памятника, удовлетворился надеждой на появление «храбрых героев в будущих поколениях турок, которые разрушат памятник», а после открытия памятника в 1898 г. османские власти советовали общественности «набраться терпения и ждать мести до тех пор, пока османское государство не восстановит свою мощь и не вернется к своим славным дням»¹⁹.

Действительно, только введение национального дискурса позволяет понять ту ярость, с которой был разрушен русский

памятник в Сан-Стефано. Отметим, что национальная повестка проявилась в политической жизни Османской империи сравнительно поздно, лишь во второй половине XIX в. Империя стабильно функционировала как полиэтничное и многоконфессиональное образование, конфликты внутри которого обострялись чаще всего под влиянием извне. Однако политика Порты, проводимая с 1856 г. под давлением европейских держав, «привела к политизации религиозных различий между мусульманами и христианами и различными другими конфессиональными группами»²⁰. Националистические настроения, усилившиеся с приходом к власти правительства младотурок в 1908 г., порождали агрессивную национальную политику в отношении неосманского населения империи.

Пригород Стамбула Сан-Стефано в этом новом националистическом контексте отличался особо: это был инокультурный, европейски застроенный район на побережье Мраморного моря, где многочисленные неосманские общины (греческая, русская, французская, итальянская и др.) со своими церквями, школами, кладбищами (заметим, что все эти сооружения имели статус экстерриториальности) сосуществовали с фешенебельными зонами приморского отдыха состоятельных жителей Стамбула. Строительство здесь еще одного православного храма или открытие кладбища не представляло проблемы для османских властей. И только восприятие «русского памятника в Сан-Стефано» как символа национального поражения обострило конфликт вокруг него, а согласование затянулось на несколько лет.

Российские власти усилили ощущение противостояния с османским окружением, отграничив территорию, на которой должен был находиться храм-памятник, стеной, напомилавшей крепостную, даже с башнями по углам. Это визуально отделяло русский памятник от остального пространства, противопоставляло его окружающей среде, подчеркивало иной архитектурный

язык, отличный от облика османских погребальных сооружений и кладбищ с их прозрачными стенами. Отличался он своим обликом и от османских мемориальных сооружений, примером которых в Стамбуле был так называемый «Монумент свободы». Этот мемориал был возведен лишь в 1911 г. и имел отчетливую политическую окраску: служить легитимацией младотурецкого режима как мемориал, возведенный в память о воинах, погибших при защите парламента от контрреволюционных монархических сил, попытавшихся совершить в 1909 г. переворот. Этот монумент визуально напоминал типичное османское надгробие политических элит – лаконичный, строгий, согласованный с османскими практиками поминовения. Русский же памятник в Сан-Стефано был другим. Он возвышался на открытом пространстве рядом с городом (на земле, которую смогло выкупить российское правительство), визуально доминировал над ним, подчинял себе окрестности и приковывал внимание. Своим «русским стилем» он как бы наглядно демонстрировал присутствие русской армии у ворот Стамбула. Довольно быстро он превратился в местную достопримечательность, был растиражирован на тысячах открытых писем французских издателей Стамбула.

Как только Османская империя вступила в 1914 г. в войну с Россией, этот памятник стал символической жертвой войны, а его разрушение – возвращением национальной гордости османов. Акт демонтажа памятника был совершен практически сразу – на третий день после объявления священной войны в защиту веры²¹. В своей речи Шейх уль Ислам подчеркивал, что Россия, Англия и Франция «враждебны к исламскому халифату», а также призывал мусульман этих стран присоединиться к «священной войне»²². Османские газеты писали о том, что, выражая чувство солидарности странам-участницам Тройственного союза, толпа стамбульских обывателей собралась рядом с посольствами Германской и Австро-Венгерской империй, а затем устроила тор-

жественное шествие по улицам Стамбула. Часть этой стихийно образовавшейся массы людей двинулась в сторону Сан-Стефано, где объединилась с местными обывателями, жителями окрестных деревень и ворвалась в храм, начав его разрушать.

Экстатичное разрушение храма-памятника в Сан-Стефано можно рассматривать не только в строго политическом значении, но и с позиции культурных османских практик. Прежде всего, культуры смерти в Османской империи. Во-первых, одной из важнейших особенностей османских традиций траура является экстатическое поведение при оплакивании умершего²³. Несмотря на то, что такое бурное проявление эмоций противоречит исламскому принципу сдержанности и осуждения чрезмерного проявления горя, в Османской империи вплоть до начала XX в. сохранялись практики траурной экзальтации: бросание на землю, посыпание головы прахом, громкие крики, разбивание предметов, острижение волос и проч.²⁴ Подогреваемая националистическими ораторами и религиозными фанатиками толпа, таким образом, обратилась к архаичным, но все еще живым практикам траурного поведения, усиливавшим экзальтацию. Во-вторых, и, возможно, еще более важно то, что в османской культуре сохранялись сторонники пуристского понимания исламских погребальных практик, в восприятии которых смерть имела уравнивающее значение, она стирала различия между людьми и устраняла несправедливость, поэтому и визуальное присутствие смерти должно быть минимальным: предпочтение отдавалось могилам, не отличающимся друг от друга или вообще немаркируемым, незаметным, а любая форма различия в надгробиях, особенно возведение памятника, подвергалась резким упрекам. Можно представить, какой протест вызывало присутствие такого масштабного мемориального сооружения, как русский храм-памятник с его монументальными архитектурными формами среди исламских пуристов.

Здесь можно отметить и специфику визуального картирования значимых погребений в позднеосманской городской традиции, в Стамбуле в частности. Османские политические и социальные элиты стремились придать надгробиям как можно большую заметность и монументальность как из религиозных (молиться за тех, чьи надгробия видны), так и из социальных соображений (памятники подчеркивали значимость). По словам турецкого историка Эдема Элдема, Стамбул, окруженный многочисленными кладбищами, выглядел как «город, осажденный мертвыми»²⁵.

По-видимому, изначально разрушение храма-памятника было стихийным актом, однако власть и военные сразу же постарались придать ему важное символическое значение и присвоить его. Здание было подорвано динамитом, хотя до конца его разрушить так и не смогли. В годы Первой мировой войны на месте русского памятника в Сан-Стефано были устроены военные казармы. Таким образом, произошло наглядное переназначение места – прежнее военное поражение стало поводом для реабилитации османской армии и залогом ее будущей победы над главным врагом. Центральные младотурецкие газеты «Танин» («Рассвет») и «Тасфир-и эфкяр» («Выразитель идей») на следующий день после взрыва утверждали, что разрушение русского памятника в Сан-Стефано, «памятника жестокости и злу», было правомерным актом «национального реванша», заслуженным правом «нации, которая хочет воспрянуть и навсегда забыть болезненные воспоминания о прошлом»²⁶. Парадокс в том, что сам акт забвения (разрушение памятника), стирания из памяти османов болезненных воспоминаний о проигранной войне и о том, как русские чуть не захватили Стамбул, был заснят на киноплёнку, т.е. сохранен на новом носителе памяти. А затем, уже после Второй мировой войны, именно эти документальные кадры стали считаться первым фильмом в истории национального турецкого кинематографа. По словам Кайя Мутлу, «если военные

уничтожили российский памятник вместе с национальной памятью, связанной с ним, историки турецкого кино дискурсивно реконструировали его, но в новой форме: памятник, в рамках дискурса историков кино, больше означал не память о поражении, а “славное” начало турецкого кино»²⁷.

В современном Стамбуле память о русском храме встраивается в новый политический конфликт – между либерально и традиционалистски настроенными общественными силами. Памятник не только не забыт, но и включен в риторику многоголосия городской памяти. В 2010 г. архитектурное бюро *PATU* разработало проект «Воображаемые здания» («*Hayal-et Yapılar*»), посвященный городской памяти и поддержанный Агентством «Стамбул – Культурная столица Европы 2010 г.». К работе над проектом были привлечены историки, журналисты, архитекторы, дизайнеры, которые выбрали 12 разрушенных зданий Стамбула, принадлежавших разным эпохам, и попытались представить, как бы эти сооружения существовали в современном городском пространстве. Это был интеллектуальный, ироничный диалог воображений, без лишнего пафоса и риторики оплакивания: некоторые здания стали воображаемым музеем, а некоторые – автостоянкой и даже шашлычной²⁸. На месте всех разрушенных зданий во время выставки были размещены инсталляции, напоминавшие эти сооружения. Авторы проекта хотели «создать чувствительность к разрушению», обратить внимание горожан на здания или объекты, мимо которых они ходят годами и не задумываются о том, чем они были прежде. Они стремились повысить осведомленность об исторических сооружениях, следы которых еще остались в городе. Одним из этих объектов был мемориал в Сан-Стефано.

Участники проекта подчеркивали, что «с архитектурной точки зрения русский памятник был интересным дополнением к разнообразию архитектурных стилей в городе»²⁹. Они сделали 3D-модель района Ёшилькёй (так сегодня называется Сан-

Стефано, «зеленая деревня») с реконструкцией памятника, задаваясь вопросом, как бы выглядел Ёшилькёй, если бы памятник все еще существовал. Авторы проекта превратили памятник в краеведческий музей и представили, что люди будут пить кофе на площади, которая является продолжением большого леса Ататюрка. Авторы проекта старались сделать восприятие «живого» памятника как можно более естественным, подчеркивая, что рестораны, бары и концертные залы, которые были открыты русскими эмигрантами, бежавшими от революции 1917 г. в России, оказали огромное влияние на общественную жизнь Стамбула начала XX века, а их следы все еще можно увидеть в таких известных ресторанах, как «*Rejans*» и «*Ayaspaşa*». Воображая альтернативное городское пространство Ёшилькёй, авторы проекта пытались ответить на вопрос: «Что если бы памятник Сан-Стефано не был разрушен, а небольшая община русских беженцев была добавлена к и без того многокультурному Ёшилькёю? Будут ли местные жители проводить свои выходные в знаменитых русских ресторанах вокруг памятника, в то время как его площадь будет полна любопытных туристов?»³⁰. Проект вызвал в городе оживленные дискуссии и протесты. Либерально настроенные журналисты с сожалением отмечали, что «все символы, составляющие память о городе, постоянно разрушаются, как, например, русский храм в Сан-Стефано», поскольку в политике городских властей «процесс национализации географии основан на отчуждении, а не на дистанцировании от прошлого»³¹.

Несмотря на то, что материалы проекта уже недоступны для онлайн просмотра, созданные им фантазийные и ироничные 3D-визуализации мемориала до сих пор остались в сети и вселяют в некоторые российские общественные организации надежду на то, что они олицетворяют планы возрождения памятника. Идея восстановить мемориал активно обсуждается и сейчас в российских церковных и политических кругах. Представители Императорского

Православного Палестинского Общества и Культурно-просветительской организация болгар в Москве время от времени заявляют о переговорах по восстановлению памятника³². Они ссылаются на то, что между Р. Эрдоганом и В.В. Путиным достигнута договоренность еще в 2012 г., а в 2016 г. Комиссия по национальной обороне парламента Турции дала официальное согласие на восстановление памятника³³. Указывается также, что территория юридически еще российская, является местом захоронения и должна быть восстановлена как место поминания умерших российских воинов³⁴.

Выводы. До настоящего времени на месте взорванного мемориала остается заброшенный пустырь, котлован, бетонная плита и полуразрушенные военные казармы. Французский историк Габриэль Доил обозначает это место как «шрам» на городском пространстве Сан-Стефано. «Время никогда не сотрет первоначальные границы между российским памятником и окружающей “национальной” территорией, – пишет он, – здесь определенно прослеживается след конкурирующих империй и конкурирующих суверенитетов: историческую экстерриториальную границу заменил только проволочный забор»³⁵. Разрушение Русско-го храма в 1914 году, по его мнению, было ранним признаком того, что произойдет в Турции при переходе от империи к национальному государству после Первой мировой войны. Этот способ национального государства навязать территориальное единообразие действительно предвосхитил как унификацию городского пространства, так и институционализацию исторической политики Турции в целом³⁶. И тем не менее в настоящее время, когда «произошло переориентирование мемориальной культуры с героического нарратива на жертвенный»³⁷, русский памятник в Сан-Стефано все еще актуализируется, но уже не в военном контексте, а культурном.

Исследование позволило показать сложный процесс трансформации мемориального дискурса в различных исторических

контекстах. Частный случай российского храма-памятника в Сан-Стефано демонстрирует: конкуренцию мемориальных нарративов о значимом для общества событии, каковым в данном случае являлась война; хрупкость чужеродных мемориальных символов, особенно в случае, когда они связаны с идеологиями формирующихся национальных государств и противостоят официальному национальному героическому нарративу; возможность примирения мемориальных дискурсов в условиях равноправного мультикультурного диалога.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бахман-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / Пер. с нем. С. Ташенкова. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. 504 с.
- ² Леонтьева О.Б. «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // Диалог со временем. 2015. № 50. С. 59.
- ³ Гинзбург К. Остранение. Предыстория одного литературного приема // Деревянные глаза. Десять статей о дистанции. М.: Новое издательство, 2021. С. 61-62.
- ⁴ Завадский А. Memory studies // Все в прошлом. Теория и практика публичной истории / под ред. А. Завадского, В. Дубиной. М.: Новое издательство, 2021. С. 338.
- ⁵ Сан-Стефано. Русский храм-памятник в Стамбуле [Электронный ресурс] // BG diaspora. Культурно-просветительская организация болгар в Москве. 18.03.2011. URL: <http://bgdiaspora.h3b.ru/894> (полс. обр. 30.10.2021).
- ⁶ Родина. 1899. № 11. С. 437.
- ⁷ Чернов С.Л. К вопросу о Сан-Стефанском договоре 1878 года // История СССР. 1975. № 6. С. 136.
- ⁸ Капустин С.В. Русский памятник в Сан-Стефано и его значение // Кадашевские чтения. Вып. 8. [Материалы VIII конференции, 20-21 декабря 2010 г.] / Гл. ред. А. Салтыков. М.: Луг Духовный, Общество сохранения литературного наследия (ОСЛН), Кадашевская слобода, 2011. С. 157.
- ⁹ Kaya Mutlu D. The Russian Monument at Ayastefanos (San Stefano): Between Defeat and Revenge, Remembering and Forgetting // Middle Eastern Studies, Vol. 43, No. 1 (Jan. 2007). P. 77.
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ Doyle G. The Scars of Ottoman San Stefano: Traces of a Contested Past in Istanbul's Yeşilköy // Ajam Media Collective. 07.03. 2020. URL: <https://ajammc.com/2020/03/07/scars-ottoman-san-stefano/>.
- ¹² Капустин С.В. Указ. соч. С. 160.
- ¹³ Kaya Mutlu D. Op. cit..P. 77.
- ¹⁴ Родина. 1899. № 11. С. 437.
- ¹⁵ Капустин С.В. Указ. соч. С. 167.
- ¹⁶ Нива. 1899. № 2. С. 39.
- ¹⁷ Новое время. 1914. 15 ноября. С.375.
- ¹⁸ Kaya Mutlu D. Op. cit. P. 77.
- ¹⁹ Ibid., p. 77-78.
- ²⁰ Karpat H.K. Studies on Ottoman social and political history: selected articles and essays. Leiden, Boston, Koeln: Brill, 2002. P. 353.
- ²¹ Летопись войны. 1915. № 20. 3 января. С. 327.
- ²² Исхаков С.М. Вместе или порознь: Тюрки-мусульмане в российской армии в 1914-1918 годы // Татарский мир. 2004. № 15. С. 3-6.
- ²³ Edhem E. Death in Istanbul. Death and its rituals in Ottoman – Islamic culture. Istanbul, 2005. P.50
- ²⁴ Ibid. P. 52
- ²⁵ Ibid. P. 18
- ²⁶ Kaya Mutlu D. Op. cit. P. 79.
- ²⁷ Ibid, p. 83.
- ²⁸ Kozar, Cem. Hayal-Et Yapılar Sergisi'nde Taksim Kışlası [Выставка «Вообрази здания» в Казармах Таксим] // Arkitera. 22.02.2012. <https://www.arkitera.com/gorus/hayal-et-yapilar-sergisinde-taksim-kislasi/> (полс. обр. 30.09.2021).
- ²⁹ Project Hayal-et Yapılar. URL: http://www.hayal-et.org/i.php/site/bilgi_info (полс. обр. 19.04.2015).
- ³⁰ Ibid.
- ³¹ Gümüş, Korhan. Haliç Geçişleri: Şehir Yönetim Anlayışının Simgeleri [Переходы через бухту Золотой Рог: символы градостроительного подхода] // Arkitera. 30.06.2015. <https://www.arkitera.com/gorus/halic-gecisleri-sehir-yonetim-anlayisinin-simgeleri/> (полс. обр. 30.10.2021)
- ³² Инициатива МОРО ИППО о восстановлении в Стамбуле храма-памятника в честь русских воинов получила поддержку в Турции // Императорское Православное Палестинское Общество. Иерусалимское отделение. 05.04.2016. URL: <http://jerusalem-ippo.org/news/1053/> (полс. обр. 30.09.2021).
- ³³ Соглашение между правительством РФ и Правительством Турецкой республики о местах российских захоронений на территории Турецкой Республики и турецких захоронений на территории Российской Федерации. 3.12.2012. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902395109> (полс. обр. 30.09.2021).
- ³⁴ О Храме в Сан-Стефано на Круглом столе

- 08-02-2019 г. // BG diaspora. Культурно-просветительская организация болгар в Москве. 18.03.2011. URL: <http://bgdiaspora.h3b.ru/16384> (полн. обр. 30.09.2021).
- ³⁵ Doyle G. The Scars of Ottoman San Stefano: Traces of a Contested Past in Istanbul's Yeşilköy // Ajam Media Collective. 07.03. 2020. URL: <https://ajammc.com/2020/03/07/scars-ottoman-san-stefano/>
- ³⁶ Актюрк Ш. Историческая политика в Турции: ревизионистская историография бросает вызов официальной версии войны Турции за независимость // Историческая политика в XXI веке: Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 511.
- ³⁷ Завадский А. Указ. соч. С. 342.

**VISUAL STRATEGIES OF COMMEMORATION IN THE LATE OTTOMAN EMPIRE
AND THE CONSTRUCTION OF COUNTER-MEMORY
(ON THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN MONUMENT IN SAN STEFANO)**

© 2021 Yu. A. Zherdeva

Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev

The article is devoted to the mechanisms of constructing the memory of Russian military victories on the territory of the late Ottoman Empire, which were formed with the creation of the Russian monument in San Stefano. The author compares several competing memories of this memorial: the official Russian imperial narrative about the military victory over the Ottoman Empire in 1878, the Ottoman memory of the catastrophic military and diplomatic defeat, the memory of the Turkish society about the incident of the destruction of the monument, and modern memorial discourses. The author traces some changes in memory policy in Late Ottoman and Turkish society.

Keywords: Russian monument in San Stefano, Ottoman Empire, memory studies, World War I, memory politics.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-4-81-89